

Псков XVI-XVII веков глазами иностранцев (понимание языковой картины мира через впечатления от незнакомого)

Естественен интерес к прошлому своего края, особенно при осмыслении соответствующих исторических этапов в жизни такого места, каким является Псков, значимый не только для Северо-Запада Руси, но и для становления и развития Российского государства вообще. Исследования памятников письменности, созданных на Псковской или на другой территории, но содержащих сведения о Пскове, позволяют обнаружить сведения, которые касаются истории региона и обнаруживают специфические особенности языка. В этом отношении ценными представляются традиции создания Псковского областного словаря с историческими данными¹ – труда, который по возможности полно представляет состояние современных псковских говоров с их лексико-семантической системой (что хорошо выясняется на фоне литературного языка) и с перспективой динамического развития этой системы на протяжении ряда веков (чему способствуют помещенные в словарной статье сведения о словах, их значениях из памятников, созданных на Псковской территории). В Псковском областном словаре, как писал Б.А.Ларин, чьи идеи вдохновили коллектив сотрудников в Ленинградском (С.-Петербургском) университете и в Псковском пединституте на подвижнический труд по созданию словаря, была реализована «возможность впервые в русской лексикографии поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражением народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи».² Поскольку «региональный словарь на широком историческом фоне – принципиально новое дело в мировом языкознании»,³ то особая ответственность лежит на подборе источников, в кото-

Костючук Лариса Яковлевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского пединститута

рых отражается речь на протяжении XIII-XVIII вв.⁴ Так, в процессе работы над Псковским областным словарем были введены в научный оборот и Разговорник Т.Фенне,⁵ и рукописные переписные книги,⁶ и псковские пословицы XVIII в.⁷

На основе указанных источников в сопоставлении с данными аналогичных памятников проводятся не только лексикографические, но и лексикологические исследования. Косвенные свидетельства о быте, культуре, традициях псковичей, об их языке, отраженном в соответствующих памятниках, находим и в немногих, но очень ценных псковских берестяных грамотах,⁸ двуязычных разговорниках, ставших известными в конце XX в. благодаря трудам краковских коллег,⁹ в записях о Пскове в путевых дневниках иностранцев, побывавших в Пскове XVI-XVII вв.¹⁰

Особую ценность прежде всего как лингвистические источники представляют разговорники: Разговорник Т.Фенне создан именно в Пскове, другие, как предполагают краковские публикаторы, – на территории псковско-новгородской. Уникальность словарей-разговорников в том, что их составители, будучи купцами, позаботились отразить живую речь псковичей в виде многочисленных фраз на наиболее актуальные темы, в виде списков наиболее употребительных слов и выражений. Для XVI-XVII вв. авторы разговорников действовали как профессионалы-лингвисты. Разработанная ими система знаков латиницы для передачи звуков русской (причем диалектной псковской) живой речи оправдала себя: услышав необычное в речи псковичей, Т.Фенне, например, последовательно отмечает такую особенность псковских говоров, как звуки [КЛ] вместо [ТЛ]. Так, прошедшее время от глагола *причесть*: Ты от меня лишок *причёл*, отдай мнѣ, что ты от меня *причкле* (ТФ,

344; в одном тексте и закономерная общерусская форма *причёл*, и псковская диалектная, сближающая псковские говоры с западнославянскими языками, в частности с польским; это было поддержано влиянием соседних с псковскими говорами балтийских языков, например литовского, где на месте древних сочетаний [tl, dl] существуют современные сочетания [kl, gl]. См. также: *сочклись – сочтуть, разочклись* (ТФ, 343), *учкле* (ТФ, 357) и др.). Тем самым частный фонетический факт оказался принципиально важным в истории псковских говоров и русского языка вообще на территории древних кривичей.¹¹

Учет широкого исторического фона позволяет понять, что незафиксированность в современных псковских говорах употребления глагола *ворчатъ* применительно к собаке, но отмеченность его в Разговорнике Т.Фенне в значении «глухо рычать (о собаке)» на примере пословицы *Собака на собаку лаёт, ворчит, вѣтр носит* (449) свидетельствует о непрерывности развития семантики русского слова. В современных псковских говорах у этого глагола зато есть значения, которые неизвестны были ранее: «квакать», «пролетать с шумом, свистом», помимо более известного «говорить негромко, выражая неудовольствие, раздражение» и менее известного «негромко напевать» (ПОС, 4, 169). Пример передачи одним и тем же глаголом разных действий на протяжении длительного времени при разнообразии субъектов-источников того или иного действия свидетельствует о возможностях семантической системы к актуализации наиболее важного для языкового смыслового потенциала. Так, однокоренные образования в псковских говорах (*ворчаливый, ворчливый, ворчун*) несут идею наиболее распространенного значения, связанного с выражением неудовольствия. Полная подача в словаре материала, попавшего в поле зрения собирателей и лексикографов, показывает, как, при отсутствии в современной народной речи какого-нибудь слова, даже при наличии однокоренных, обнаруживается актуальная семантическая структура в прошлом: логичное развитие смысла у глагола *возмутиться* от исходного значения «прийти в

колебательное движение, взволноваться (о воде)» (в Псковской третьей летописи под 1472 г.: *яко же езеру възмутитися...*); к переносному «прийти в возбуждение» (в Повести о приходе С.Батория на Псков, XVI в.) при синонимах *возмястись, восколебаться*; к типичному в прошлом значению «восстать против власти, взбунтоваться» (при обозначении общественного выступления людей, что зафиксировано, например, в летописных текстах XVII в.) (см. ПОС, 4, 95). Современные же псковские говоры свидетельствуют, что диалектоносителей более занимают бытовые, повседневные проблемы; но обнаруживают говоры и отражение определенных чувств: удалось зафиксировать глагол несовершенного вида *возмуцать* «очень интересовать» (там же.)

При изучении становления русского национального языка в эпоху важных для государства экономических событий Б.А. Ларин впервые ввел как ценный источник для изучения всех сторон жизни, культуры русского народа записи русской речи иностранцами.¹² Внимание к тому, что писали о России, в частности о Пскове, люди другого менталитета, другого мировоззрения, мировосприятия, поскольку они были воспитаны в других историко-культурных традициях, позволяет лучше узнать и свой народ с его языком, и того, кто, как представитель другого народа, государства, соприкоснулся с Россией. Прекрасные публикации А.Н. Кирпичникова о Н.Витсене¹³ обогатили знание и о нашем крае, и о том, кто так бережно, творчески и с настойчивым интересом несколько веков назад стремился как можно полнее и точнее понять русского человека.¹⁴

Если разговорники, путевой дневник Н.Витсена дают очень хорошее представление об интересах псковичей, об их профессиональной деятельности (особенно в разговорниках, предназначенных для купцов), о некоторых этнографически-менталитетных чертах быта и даже о духовной жизни, языке населения Пскова XVI-XVII вв., то записки Самуэля Кихеля, сына состоятельных бюргеров из г. Ульма в Германии, посвященные всего восьми дням, проведенным в Пскове 1586 г., дают неизмеримо меньше непосред-

ственных сведений о нашем городе, чем о других более 110 городах и местах, посещенных С.Кихелем за пять поездок «повидать мир» в 1587-1589 гг.¹⁵ Видимо, это было связано с тем, что, в отличие от Н.Витсена, С.Кихель не проявил той изобретательности и настойчивости, которая позволила бы путешественнику более близко и подробно познакомиться и с людьми, и с их бытом. Такое впечатление, что С.Кихель боялся России, воспринимая разные слухи, мнения других о Руси. И те рискованные решения, которые принимал он в других странах, совсем не планировались им в Пскове. Способный, любознательный и находчивый будущий купец по возвращении на родину создал свои записки, дополнив их сведениями из прочитанной литературы. Первое издание 1820 г. представляло пересказ его обширной рукописи (это в переводе с немецкого обычно и использовалось в русской научной литературе). Полный текст записок был издан К.Д.Гашлером в 1866 г. по трем (не сохранившимся до сих пор) рукописям, из которых одна объемом более 500 листов являлась автографом С.Кихеля. А.Н.Кирпичников впервые опубликовал отрывок, касающийся Пскова, в полном переводе (исполненном Л.С.Деменштейном, И.Н.Хлопиным, А.Н.Кирпичниковым) с немецкого издания 1866 г.¹⁶ Это всего шесть с половиной печатных страниц в переводе – от 29 июля 1586 г. в Дерпте, крупном пункте, предшествующем непосредственному пути на Псков, когда, как пишет С.Кихель, «наняли мы барку или небольшое судно до Пскова» (60), по 10 августа, когда снова «попали в Дерпт» (66). Собственно со Псковом связаны события от 2 августа, когда «к полудню ... достигли реки Великой, которая спускается из Пскова и впадает в Бейбас» (62), по 9 августа, когда, с радостью сообщает С.Кихель, «примерно в 2 часа дня я поехал оттуда водой на судне, на котором там возят грузы» (66).

Сам автор подводит итог: «Таким образом, я провел в Пскове 8 дней и был сыт по горло, потому что мало было примечательного, поэтому искал случая уехать» (66), - подчеркивая небольшое количество примечательного и стремление поскорее уехать.

Фактически С.Кихель признавался в отсутствии желания познать глубинную Россию («я не намеревался ехать дальше в эту страну») и в том, что «мало времени в ней провел» (66). Однако он знал, что необходимо писать отчет о путешествии, поэтому «много прочел, чтобы писать об этом по дороге» (66).

Чем же все это объяснить? Из рассказов других путешественников, более осведомленных о русских и псковичах, с которыми европейцы обычно прежде всего знакомились благодаря водному пути из Прибалтики, у С.Кихеля было свое представление о России, которое, вероятно, и передавалось невольно такими выражениями, которые в немецком тексте соответствовали некоторым русским словам и речениям.

Началось с того, что шкипер-«москвитин» в Дерпте, вопреки договору, что он будет один с иностранцами, оказался «сам третий» (60), т.е. не один, а втроем на судне. На обратном пути шкипер был уже «сам четыре» (66). Подобное выражение («сам друг») остановило внимание и составителя разговорника Т.Шрове: *sam druck posse* (т.е. «сам-друг пошли») с пояснением на древнем диалектном немецком как `Selb And[er] gieng her` (ТШ, 101, 14). Т.Фенне тоже отмечает сам-друг в переводе на древний диалектный немецкий как `sulff ander` (ТФ, 205).

С.Кихель пишет, что, готовясь переплыть через озера в Россию, «каждый имел ружье, ибо этому народу нельзя доверять больше, чем видишь глазами», поэтому «некоторые пытаются, чтобы никто не узнал, куда он отправился» (61). При подчеркивании необязательности русских, которым нельзя доверять, в речи-рассказе С. Кихеля присутствует образ в выражении *видеть глазами* в значении `самостоятельно удостовериться` (это в переводе). Возможно, ему именно так и сообщали коллеги. Образ «глаз/око» не раз присутствует в записях, фиксируемых разговорниками: *Видал ты, своими глаз/ами, что то в҃ра есть?* (ТФ, 390; ср. ТШ, 52 v, 3) (выражение отнесено к абстрактному факту – пониманию сути веры). Имплицитно этот образ и в высказывании: «что ты промежи нас слышал и видел, да не утай на

своей души» (ТШ, 59, 20). Неслучайно В.И. Даль среди иллюстраций на слово *глаз* приводит такие афоризмы-пословицы: *Гляди глазами; Видел своими глазами*. Отсюда и поворот к купле-продаже: *Что глазом не досмотришь, то мошною заплатишь; Твои деньги, твои и глаза*. Причем некоторыми афоризмами В.И. Даль вынужден подчеркивать самостоятельный опыт в наблюдениях при недоверии другим людям: *Чужому глазу не верь* (Даль, I, 358¹⁷). Совершение положительного или отрицательного действия откровенно, без сокрытия могло обозначаться и онареченным предложно-именным выражением: *О чем ты меня хочешь воочи о/б/манывать* (ТФ, 291; ср. ТШ, 10, 15: *в глазах*).

А.Н.Кирпичников отмечает, что о пограничной укрепленной башне на возвышенном месте в Устье, недалеко от церкви Николы, откуда открывается прекрасный обзор водного пути с приближающимися судами, «мы узнаем впервые» из записок С.Кихеля.¹⁸ С.Кихель не лишен наблюдательности. Он подробно описывает, как проходит досмотр приезжающих иностранцев, так как есть «укрепленная башня с гарнизоном»: *Там всегда есть стража, и если кто-нибудь хочет выехать или въехать (поскольку это как раз на границе), то выходит человек и спрашивает икпипера, что за народ он везет, причем каждый должен показаться лично». Взимание мзды на границе С.Кихель воспринимает как должное (62).*

В Пскове прибывшие оказались там, где жили ганзейские купцы: *«специальный дом»* (переводчик поясняет как «двор»), *«каждый имеет свой покой и деревянную лавку», «а город находится наверху сразу напротив воды»* (62).

Подробно описывается, что необходимо было *«сразу же явиться для регистрации у предназначенного для этого москвиты»*, где подробно расспрашивают о цели приезда человека (62). С.Кихель еще ничего не узнал в Пскове, его выручил попугчик-купец из Риги, записавший на его имя *«принадлежащие ему [т.е. купцу. – Л.К.] несколько штук дамаста»*. Именно мнение, например, этого купца повлияло на очень негативную оценку псковичей со стороны С.Кихе-

ля. Сначала путешественник, хотя и отмечает, что псковичи *«очень подозрительны и опасаются вреда себе»*, но как будто оправдывает это тем, что *«это открытая кругом земля»* (62). *«Все записывается, и это происходит отчасти из-за (взимания) пошлин, а отчасти из-за (возможного) предательства»* (62), – заключает С.Кихель. Рижский купец разъясняет молодому путешественнику, что псковичи, узнав, что С.Кихель *«приехал ради своего собственного удовольствия»* (рижскому купцу С.Кихель уже сказал, что *«прибыл в эту страну только с целью ее осмотра»*) (62), *«могут... посчитать за шпиона и предателя»* (63). И, видимо, раздражение этим обстоятельством вызывает следующую обидную для псковичей тираду и об их грубости, и о невысоком интеллектуальном уровне, и о нежелании просвещаться: *«Ведь эти люди – грубый, непонятливый, малоездящий народ, они редко бывают за пределами своей страны, не могут представить себе, как это люди других наций ездят только для того, чтобы видеть и изучать нравы, обычаи и положение страны»* (63).

Оценка псковичей несколько раз меняется. Немного узнав о Пскове, видя перед собой его крепость (*«первый город москвитов или страны великого князя русских на границе против Лифляндии и, ..., считается самым важным и наиболее укрепленным среди всех его городов...»*) (63), С.Кихель отдаст должное мужеству псковичей, устоявших против армии Стефана Батория. Этому находит и справедливое объяснение: *«Они очень трудолюбивы, довольствуются немногим, неприхотливы в пище и питье и переносят голод и жажду легче, чем другие народы»* (63). Наверное, эти сведения тоже почерпнуты С.Кихелем из разных источников.

Необходимо подчеркнуть, что С.Кихель подчас использует отсылки *«как говорят», «я слышал»*: сведения о величине крепости, о предместиях, о деревянных домах, что позволяет С.Кихелю считать их *«весьма плохой работы»*, поскольку они способны легко сгорать, *«так как во время пожара нет никакого спасения»* (63).

С.Кихель подробно сообщает, что иностранцы *«не имеют права и возможностей*

попасть внутрь города» (63), только путь «в глубь страны и в город Москву» дал бы возможность побывать в городе, но С.Кихель отказался от этого: «вернуться назад будет трудно», и «придется вести там долгую зиму» (63-64). Как бы оправдываясь, С.Кихель ссылается на то, что его «кошелек... оказался слишком тощим» (64), опирается на мнение других: «по дороге, как говорят, нечего смотреть» (64).

Итак, С.Кихель, к сожалению, оказался не любопытным путешественником в России, поэтому и Пскову не повезло с сохранением живых фактов устами самого С.Кихеля. Хорошо, что исторические источники, которыми пользовался С.Кихель, объективно отражали своеобразие России, Пскова: церковь, в которой С.Кихель, в отличие от Н.Витсена, не был (64); одежда мужчин и женщин; товары, подлежащие торговле (65); и другое.

И все-таки некоторые стороны жизни на Завеличье, на мосту через Великую, по которому можно было гулять иностранцам, С.Кихель сумел увидеть и по-своему оценить. Показывали С.Кихелю примеры, когда вдовец-священник, вступивший в новый брак, был уже не священник, «а вынужден заняться ремеслом или другим делом для пропитания» (64). Недаром в народе существует поговорка *Последняя жинка у попа* (только это, в силу традиции, может быть последним, а все остальное относительно). В.И. Даль мудро сочувствует положению православного священника: *Попу, раз оженившись, да навек закаяться* (III, 308). Если бы С.Кихель мог общаться с разными людьми, он мог бы отметить какие-то яркие выражения относительно статуса жены, женщины в браке; ср. *Надобь жёнка в грозѣ держать, да слушае, да мужа не бьёт* (ТФ, 230; ср. ТШ, 111v, 16-17).

Одной из ярких сцен, которые пришлось наблюдать самому С.Кихелю, были похороны, когда по мосту на кладбище в братскую могилу на санях даже летом (по старинному славянскому обычаю¹⁹) везли покойника в незакрытом гробу; на мертвом теле сидел ребенок; священник, идя впереди, сопровождал процессию пением молитв;

проводящие шли сзади. Обычай хоронить в общей яме, где может быть более тысячи мертвых и которую до ее заполнения не зарывают, поразил С.Кихеля; он даже за определенную мзду сторожу побывал около ямы, едва не задохнувшись «от ужасно сильной вони» (65).

И как раздражение на знакомство с таким обычаем появляются опять строки о том, что «народ здесь тверд, суров, невоспитан». Связывает это С.Кихель с тем, что «не принято, чтобы кто-нибудь, будь он низкого или высокого сословия, ломал перед другими шапку» (65). Образ снимаемой с головы шапки возникает неслучайно. Видимо, подобное выражение стало известно С.Кихелю (ср. у В.И.Даля: *Ни перед кем шапки не ломает* – II, 265). Но это могла быть и ситуация сохранения своего достоинства, если не надо приветствовать кого-то, бить челом, высказывая почтение. Ведь был обычай, выражаемый и поговоркой-поговоркой *снять с кого шапку* (на сходке, на торгу) в значении «опозорить, заявить всенародно мошенником, татем», поэтому-то известна поговорка *На воре шапка горит* (испугавшись этого зловещего крику, вор схватывает шапку с головы и выдает себя) (Даль, IV, 621). Иностранцу, наверно, были неизвестны детали обращения русских с шапкой; традиции складывались из поколения в поколение и отразились в соответствующих народных поговорках.

Несмотря на то, что С.Кихель не выучил русского языка, в отличие от составителей разговорников, но невольно через современный перевод немецкого текста его записей и благодаря сопоставлению с данными русско-немецких разговорников, где наряду с русской частью есть соответствующий перевод на древний немецкий (диалектный) язык еще в XVI-XVII вв., удается обнаружить намеки на типичные фразы, бытовавшие и в XVI, XVII вв. и известные русскому языку вообще. Так, благодаря письменным источникам С.Кихель отмечает, что при заключении купчей сделки или при обмене товаром этот факт фиксируется чиновниками, чтобы «московит или русский не пошел по отношению к немцу на попятную» (66). Ср.

в Разговорнике Т.Фенне и в Разговорнике Т.Шрове образное выражение *взад лазить* (именно *лазить*, а не *ладить*, как отмечено в ПОС, 3, 145; *лажу* необходимо возвести к *лазить*, поскольку в Разговорнике Т.Шрове зафиксирован инфинитив: «взад я не хочу лазить» - 7v, 11): *Я себе промахнулся да мало просил за свой товар и ныне взад не лажу да своим словом не верну* (ТФ, 286). Это метафорическое псковское речение, соответствующее общерусскому *пойти (идти) на попятную* `изменять принятое решение, отказываться от своих слов`. В другом тексте синонимичное указанному выражение *взад говорит* зафиксировано тоже в Разговорнике Т.Фенне (377) и в Разговорнике Т.Шрове (47v, 21); при описании подобной ситуации оно является просто устойчивым, не образным сочетанием. Каждый раз иностранец замечает своеобразие описываемого явления, называя его под влиянием языковых традиций обозначения похожими выражениями.

Расставаясь со Псковом, С.Кихель, к сожалению, утверждает, что «*был сыт по горло, потому что мало было примечательного, поэтому искал случай уехать*» (66). По свидетельству В.И.Даля, выражение *сыт по горло* означает `обильно` (1, 379), но С.Кихель употребляет его при отрицательной оценке впечатлений от кратковременного посещения Пскова, когда путешественник оказался довольно пассивным в поисках необычных сторон русской жизни.

Как истинный верующий, С.Кихель заявляет, что «*поехали с богом*» (66), обращая внимание в Пскове и на обратном пути на водное пространство (озёра и реку) и на ветер, который всегда значим около воды: за ним надо следить и его надо учитывать.

В разговорнике Т.Фенне есть прекрасные фразы о Боге: *Бог с нами, никто же на нас* (188). Это завершает обращение немецкого купца к Богу с просьбой благополучно

прибыть на Русскую землю, научиться русскому языку, успешно всё «*похватить*» и «*здорово опять отъехать на свою немецкую землю*» (188). Эта благородная цель была достигнута. Памятник (разговорник), оставленный своим коллегам-купцам, как и более ранний Разговорник Т.Шрове, сыграл важную роль в фиксации живой русской речи, поскольку купеческие дела требовали совершенствования в знаниях русского языка. И для Н.Витсена жажда познания незнакомого края не сопровождалась раздражением и поспешными заключениями.

Разные люди видели одно и то же, но имели разное настроение, разные внутренние установки и потому по-разному отражали прошлое нашего края. С.Кихель подробно описывал, пожалуй, только природу, сопровождавшую путешественников. Каждый новый взгляд и даже менее подробное знакомство с языком – это тоже ценные свидетельства о быте псковичей в прошлом. Ведь через отдельные фразы прошлого узнаются языковые привычки и современных псковичей (многое в духовной жизни человека имеет давние традиции). Ср. современное псковское выражение: *Тихо ли у вас?* (в значении “благополучно”); аналогичное в XVI в. у Т.Шрове («*Дал Бог тихо ещѣ*» - 100, 3) и более выразительное в начале XVII у Т.Фенне («*У меня все добры вѣсти, дал Бог у нас всё тихо да добро* – 274), где слово *тихо* выступает наряду со словами с корнем *добр-* при передаче хорошего, спокойного состояния в человеческих отношениях.

Устойчивость семантики и диалектическое равновесие стабильности и развития в лексической системе хорошо проявляется на частных примерах, характерных не только для общерусского языка, но и для народных говоров. Потому и можно узнавать о прошлом и настоящем, что сохраняется связь веков через языковое богатство народа.

Примечания

1. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-12. Л. (СПб.), 1967-1996. [Ссылки в тексте: ПОС, первая арабская цифра – выпуск, вторая арабская цифра – страница.]
2. Ларин Б.А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С.3.
3. Там же.
4. См. Приложение 4 «Список сокращений источников XIII-XVIII вв., использованных в исторической части Псковского областного словаря» // Псковский областной словарь... Вып. 1. С. 21-26.
5. T. Fenne`s Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970. [В тексте: ТФ, страница памятника.]
6. См. хранящиеся в Госархиве Псковской области рукописные памятники: переписная книга Успенского Псковско-Печерского монастыря 1674-1675 гг. (ф. 499, оп. 1, № 450, 123 л.).
7. Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: Материалы и исследования. IV. М.-Л., 1959. С. 305-330.
8. См. публикации И.К.Лабутиной, И.О. Колосовой, Л.Я.Костючук; отклики А.А.Зализняка и др. (ср.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995).
9. «Einn Russisch Buch» by Thomas Schroue: the 16 th-century Russian – German dictionary and phrase-book. P.I. Crakow, 1992; «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego: Słownik I rozm\wki gosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz.II. Krak\w, 1997. [В тексте по публикации 1997 г.: ТШ, первая арабская цифра – страница, вторая арабская цифра – строка памятника.]
10. Кирпичников А.Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995.
11. См.: Глушкина С.М. Разговорник Т.Фенне как источник изучения языка и истории средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984; Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты и проблема древних восточнославянских диалектов // История и культура древнерусского города. М., 1989 (ссылка на работы С.М.Глушкиной).
12. Ларин Б.А. Три иностранных источника по русскому языку XVI-XVII вв. // Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959.
13. Кирпичников А.Н. Россия XVII века...
14. См., например: Костючук Л.Я. Свидетельства о языке и быте русского Северо-Запада XVII века // Псковский край: Культура, образование, история. Псков, 2000. С.80-90.
15. Кирпичников А.Н. Иностранец о Пскове XVI в. Сообщение Самуэля Кихеля // Труды Псковского музея-заповедника. Вып. 1. Псков, 1994. С. 47-67.
16. [Публикация А.Н.Кирпичникова] Приложение. Путешествие С.Кихеля (отрывок из дневника) // Труды псковского музея-заповедника... С. 60-67. [Ссылки на страницу переводного текста даются арабской цифрой в круглых скобках после цитаты.]
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I-IV. М., 1956. [Ссылки на примеры: Даль, римская цифра – том, арабская цифра – страница.]
18. Кирпичников А.Н. Иностранец о Пскове XVI века... С. 50.
19. А.Н.Кирпичников подчеркивает, что это сохранение языческой похоронной обрядности; однако «этот факт из быта горожан XVI в. в нашей исторической литературе не был учтен». (См.: Кирпичников А.Н. Иностранец о Пскове XVI века... С.57, 60).